

М. А. БОРОЗДИНА

*(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия)*

ORCID ID: 0000-0003-4564-4603

УДК 821.161.1-31(Чаев Н. А.)

DOI 10.26170/ufv20-04-09

ФЕТОВСКИЕ МОТИВЫ В «УСАДЕБНОМ ТЕКСТЕ»

Н. А. ЧАЕВА

Аннотация. Настоящее исследование посвящено проблемам восприятия поэтических фетовских мотивов в «усадебном тексте» Н. А. Чаева. Вопреки тому, что в 1870-е годы поэзия ещё оставалась периферийным родом литературы и долгое время «победителем» выступала некрасовская линия, оттеснившая поэтов «фетовского» направления на второй план, в своей поэзии Чаев примыкал скорее к позиции «чистого искусства». Мы полагаем, что структура поэмы Чаева «Надя» восходит к «усадебным» поэмам Фета «Две липки» и «Талисман». По нашему глубокому убеждению, в «Наде» Чаев стремится преодолеть разрыв между современной народной и дворянской культурой. Взяв за основу «усадебную» поэму и соединив её с элементами «народной», поэт пытается скрестить две традиции поэмы – «тургеневскую», «фетовскую» с «некрасовской». При этом поэту, в сущности, удалось создать новый тип поэмы, который соединил в себе черты как усадебного дворянского, так и крестьянского мира, сформировавшегося в новых условиях русской жизни. Таким образом, можно говорить о том, что в поэтическом наследии Чаева были своеобразно переосмыслены определённые фетовские мотивы, связанные с образом русской усадьбы в середине XIX века.

Ключевые слова: русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; литературные мотивы; усадебный текст.

В 1870-е годы, в самое непоэтичное время XIX века, усиливаются творческие поиски новой лироэпической формы. По мнению Б. Я. Бухштаба, к «переоценке значения поэзии» писателей подталкивает интенсивное развитие прозы [Бухштаб 1972: 2-41]. Несмотря на конкуренцию со стороны жанра романа в частности и реалистической прозы в целом – наиболее подходящих жанров для выражения художественных тенденций эпохи, поэзия отразила то тревожное состояние человека, которым было охвачено общество в период социальных и экономических преобразований в стране: «своей публицистичностью, документаль-

ностью очерк воздействовал на другие повествовательные жанры и даже на поэзию» [Демченко 2001: 34]. В связи с этим в 1870-е гг. русская поэма начинает трансформироваться таким образом, чтобы соответствовать прозаическим жанрам литературы, и в ней постепенно намечаются две линии – усадебная и народная. Типичные «усадебные поэмы» – «Параша» (1843) И. С. Тургенева, «Саша» (1856) Н. А. Некрасова, «Талисман» (1842) и «Две липки» (1857) А. А. Фета. К 1860-м годам жанр усадебной поэмы становится редким, маргинальным явлением, в то время как на первый план выдвигается некрасовская «народная поэма» («Коробейники» (1861), «Мороз, Красный нос» (1864), «Кому на Руси жить хорошо» (1866–1874)). Но и этот жанр поэмы составляет скорее исключение, чем распространённое явление.

Свою первую поэтическую книгу «Стихотворения Н. Чаева» Чаев выпустил только на склоне лет, в 1896 году, в то время, когда для подавляющего большинства публики он был литератором совершенно забытым. Однако, как показывают сделанные автором датировки, писал стихи он с самого начала 1870-х годов, не печатая и, видимо, не пытаясь их опубликовать (хотя некоторые из них он читал публично) [Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском Университете 1911]. Таким образом, поэзия Чаева не стала в определенном смысле «литературным событием» в момент её создания, поскольку в момент её публикации автор практически никого не интересовал. Несмотря на это, поэзия Чаева представляет собой интересный литературный феномен, являясь важной частью наследия поэта и недаром находясь у самого конца его творческого и в целом жизненного пути.

Это время, когда поэзия ещё остается периферийным родом литературы. Тем не менее в создававшихся в это время произведениях отразились тенденции эпохи. Ведущими направлениями поэзии 1870-х гг. являлись гражданское, «некрасовское», и «фетовское», направление «чистого искусства». Несомненно при этом, что долгое время «победителем» выступала некрасовская линия, оттеснившая поэтов «фетовского» направления на периферию литературы. В своей лирике Чаев примыкал скорее к позиции «чис-

того искусства», опираясь на ту её линию, которая характерна для поэзии, близкой к славянофильству или почвенничеству.

Среди стихотворений Чаева присутствует как традиционная лирика, напоминающая произведения Фета или Полонского (как например, стихотворение «В некотором царстве» (1876)), так и почти прямые аллюзии на пушкинскую любовную лирику.

Поэма «Надя» была напечатана в типографии И. И. Родзевича в 1878 году. Три первые песни поэмы были прочитаны автором на заседании Общества любителей российской словесности ранее – 21 декабря 1875 года [Протоколы О.Л.Р.С. 1899], а сам текст фигурировал под другим названием – «Детство». Поэма Чаева «Надя» представляет собой воспоминания рассказчика о прошлом – о замечательных днях его детства:

Родимый дальний край, златые детства дни!
Сокровища моей измученной души –
Воспоминания о прошлом, речи, думы...
[Чаев 1878: 7-8]

Композиция произведения построена таким образом, что позволяет широко охватить окружающую действительность. Девять глав поэмы представляют собой рассказ-воспоминание героя о былой жизни и знакомят читателя с внутренним миром рассказчика. В его памяти живо сохранился образ его «губернских Афин», «родного пустыря, давно забытого всеми» [Чаев 1878: 10] с многочисленной дворней.

Однако в произведении сосуществуют два плана повествования – план ощущений, обнажающий душевную жизнь рассказчика, и план внешнего мира, который тоже тесно связан с комплексом воспоминаний героя и хранит в себе живые образы прошлого. Мы полагаем, что структура поэмы Чаева восходит к поэме Фета «Талисман», где, по справедливому замечанию Ю. В. Лебедева, так же «настоящее сохраняет <...> эстетическую ценность потому, что удерживает в себе приглушенный временем колорит прошлой, <...> ушедшей в небытие жизни» [Лебедев 1971: 19].

В поэме «Талисман», написанной в 1842 году, Фет так же предпринял попытку сохранить эстетическую ценность прошлого:

II

Вы знаете, деревню я люблю
И зимний быт. Плохой я горожанин.
Я этой жизни душной не терплю,
И повестью напомним образ Танин,

<...>

III

Вас не займет отлогий косогор,
И ветхий храм с безмолвной колокольней,
И синий лес по скату белых гор;
Не станете вы внутренне довольней
Рассматривать старинный барский двор
И в тех местах молиться богомольней;
Но, верно, есть в них скрытая печаль:
Иначе что ж, – зачем же мне их жаль?

[Фет 2002: 91]

Феномен русской усадьбы с недавних пор занимает весьма важное место в системе гуманитарного знания. Междисциплинарный характер современной науки обусловил широкое распространение исследований, связанных с восприятием и интерпретацией усадебной культуры, и в области истории литературы [Щукин 1997; Лихачев 1998; Дмитриева, Купцова 2003; Ермоленко 2004]. Это объясняется тем, что усадебный комплекс рассматривается не только как природно-географический объект, но и как историко-культурный [Самарина 2007]. «Стремление возродить мир русской усадьбы, проникнуть в бытовой уклад, думы и переживания, занятия и интересы ее владельцев привлекает внимание исследователей к <...> художественным произведениям, на страницах которых живут российские помещики, их многочисленное семейство, соседи, дворяне, крестьяне» [Там же: 5-6], – отмечается в исследовании, посвящённом изучению источниковедческого аспекта русской усадьбы. Выделим характерные особенности изображения усадьбы второй половины XIX века в поэме Чаева «Надя».

Взору читателей предстаёт господский дом и хозяйственные постройки усадьбы Васильево (конюшни, мельница, баня, прачечная, кузница) – главные составляющие усадебного мира. Нельзя не отметить своеобразие природного ландшафта: сад с «зыбкой аркою темнозеленых лип», пруд, извилистая дорожка, вьющаяся оврагами, ручей, старинные деревья в бору, живописный луг – все это признаки перехода «от регулярных французских к пейзажным английским паркам» [Там же: 4], ознаменованного указом Екатерины II о запрещении стрижки деревьев в парках. В. Г. Белинский в письме А. М. Бакунину дал высокую оценку приблизительно тем же элементам садово-паркового ансамбля, формирующим дух усадьбы Прямухино: «Я видел Ваш дух во всем и везде, – и в этом простом и прекрасном саду, с его аллеями, дорожками и лугами, его величественными огромными деревьями, его прозрачными бассейнами и ручьями...» [Белинский 1956: 257]. Поэма знакомит читателей с многовековым бытовым укладом жизни русских помещичьих семейств, их двори, крестьян, соседей, передаёт их «думы и переживания, занятия и интересы» [Там же: 5], позволяет сложить целостное представление о социокультурной среде.

Синицыно – «прадеднее гнездо, поместье родовое; / Луга поемные... Имение большое. / Я помню, как теперь, соседи все в одно: / “Синицыно у них – что золотое дно”» [Чаев 1878: 34]. Не забыт рассказчиком дубовый барский дом его дяди с подвалом и чердаком, на котором хранилось множество старинных вещей, детская Нади, портретная, ружейная и библиотека. Рядом с домом – двор, сад, река, поодаль – городок, церквушки, кладбище, около полсотни сёл и необозримые поля и дали. неотъемлемую часть усадебной жизни составляла охота на дичь, рыбная ловля, выращивание растений в оранжерее, званые обеды, святочные гадания.

Описание усадьбы Синицыно в поэме Чаева «Надя», по нашему глубокому убеждению, отсылает читателей к поэме Фета «Две липки», которая, что для нас весьма примечательно, посвящена И. С. Тургеневу:

I

Близ рощи, на пригорке, серый дом,
В полуверсте от речки судоходной,
Стоит лет сорок. Нынче пустырьём
Он стал смотреть, угрюмый и негодный.
Срубили рошу на дрова кругом,
Не находя её статьёй доходной;
По трубам галки, ласточки в окошках,
И лопухи на английских дорожках.

II

Семь крыш, одна причудливей другой,
Вам говорят про барские затеи.
Дом этот прежде флигель был простой:
Понадобились залы, галереи,
И в девичью стал нужен вход другой, –
Не обошлось и без оранжереи:
Однако вкус был, на манер столичный,
Во всём фасаде сохранён отличный.

<...>

V

А всё ты мил мне, серый, ветхий дом,
С твоею кровлей странной, кособокой.
Так иногда над полусгнившим пнем
Припоминал я осенью глубокой
Весенний вечер, прожитой вдвоем
Под грустный вопль кукушки одинокой,
Припоминал несбыточные грёзы –
И на глазах наворачивались слёзы.

[Фет 2002: 384-385]

Любопытно, что дочку героини Наташи в «Двух липках» зовут Наденькой, как и главную героиню поэмы Чаева. Притом выбор имени материю объясняется следующим образом:

Любовью можно всё исправить в муже,
А тут, что год, что новый день, то хуже.

XXIX

Как разгадать? Что делать? Чем помочь?

Но в этот год само пришло спасенье.

Бог сжалился: послал Наташе дочь.

Какой восторг! Какое утешенье!

Мать от малютки не отходит прочь,

И караулит каждое движенье,

Шьет, крошечной любитесь одеждой

И выхитрила дочь назвать Надеждой.

[Там же: 391-392]

Возраст героинь также схожий (пять и шесть лет). Обеих девочек отдают в пансион. Единственная разница заключается в том, что у героини Чаева нет матери на момент повествования, а у фетовской Нади она, постепенно угасая, умирает в своём поместье после приказа мужа Русова срубить липку, олицетворяющую любовь, жизнь и молодость. Конец «Двух липок» не предвещает ничего положительного:

XLIX

А серый дом, угрюмый и пустой,
Стоит давно с безмолвием гробницы.

Он только оживляется весной,

Когда в него таскают гнезда птицы.

Балкон скривился, тонкою травой

Заметно прорастают половицы.

Ступени шатки и перила зыбки,

И нет ни новой, нет ни старой липки.

[Там же: 397]

В целом, тон поэм Фета во многом иронический и больше напоминает «стихотворную новеллу», продолжающую пушкинскую линию иронической поэмы типа «Графа Нулина» (1827), которую, по мнению некоторых исследователей литературы, трудно отнести к усадебному тексту [Беляева 2005: 19-20]. В поэме «Надя» при изображении жизни в усадьбе также присутствует легкая авторская ирония, при том что усадебное в произведении, думается, является обязательной доминантой.

Выстраивая свою концепцию единого русского мира, в котором дворянская и народная культуры могли представлять собой единство, трагически разделённое в ходе русской истории, Чаев, несомненно, опирается на прозаическое творчество ещё одного своего «предшественника» – И. С. Тургенева. Внутренняя отсылка к Тургеневу, который в своих ранних поэмах и поздних повестях и романах немало размышлял о будущем русской усадьбы и о возможности сохранения ценностных начал дворянской культуры, у Чаева очевидна. Произведение написано со знанием и пониманием того, что происходило в русской деревне в пореформенное время. И тем не менее Чаев, в отличие от своих предшественников, авторов «усадебных» поэм – Тургенева и Фета, был готов увидеть в происходящем больше созидательного, чем трагического. В основе его писательского оптимизма, предполагаем мы, лежала идея внесловной ценности личности.

Создавая поэму «Надя», Чаев, по всей видимости, преследовал цель, в чём-то схожую с той, что ставил в своей лирике. Если там он преодолевал разрыв между письменной литературой и народным творчеством, между словесностью древней и новой, то здесь он стремится преодолеть разрыв между современной народной и дворянской культурой. Взяв за основу «усадебную» поэму и соединив её с элементами «народной», поэт пытается скрестить две традиции поэмы – «тургеневскую», «фетовскую» с «некрасовской». При этом поэту, в сущности, удалось создать новый тип поэмы, который соединил в себе черты как усадебного дворянского, так и крестьянского мира, сформировавшегося в новых условиях русской жизни.

Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о том, что в поэтическом наследии Чаева были своеобразно переосмыслены определенные фетовские мотивы, связанные с образом русской усадьбы в середине XIX века. В своей поэзии поэт примыкал к позиции «чистого искусства», опираясь на ту её линию, которая характерна для поэзии, близкой к славянофильству или почвенничеству, в особенности Л. Мея и А. К. Толстого, при этом доводя стилистические тенденции такой фольклорной поэзии до возможного предела. Специфика идейных воззрений Чаева, изначально близких к славянофильским и оказавшихся

в 1870-е годы в некоторых отношениях созвучными взглядам умеренного крыла народнического движения (через идею сближения с «народной правдой»), позволили ему сделать попытку синтезировать, совместить в своём поэтическом творчестве обе «ветви» русской поэзии – гражданскую, «некрасовскую», и «фетовскую», «чистого искусства».

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1956. Т. 11. 718 с.

Беляева И. А. Система жанров в творчестве И. С. Тургенева. М. : МГПУ, 2005. 252 с.

Бухтаб Б. Я. Русская поэзия 1840–1850-х годов // Поэты 1840–1850-х годов. М. : Сов. писатель, 1972. 539 с.

Демченко А. А. Литература 1870-х годов // История русской литературы XIX века. 70–90-е годы : учебник / под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой, В. Б. Катаева. М. : Изд-во МГУ, 2001. 800 с.

Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М. : ОГИ, 2003. 528 с.

Ермоленко С. И. Мир «русской усадьбы» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Проблемы жанра и стиля в литературе : сб. науч. гр. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2004. С. 154-181.

Лебедев Ю. В. Н. А. Некрасов и русская поэма 1840–1850 годов. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1971. 135 с.

Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Л. : Наука, 1998. 341 с.

Протоколы О.Л.Р.С. // Московские ведомости. 1899. № 10.

Самарина Н. Г. Изучение русской усадьбы: источниковедческий аспект // Русская усадьба XVIII – начала XXI в. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации : материалы научной конференции / сост. Е. В. Яновская. Ярославль : Александр Рутман, 2007. С. 3-10.

Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском Университете, 1811–1911. М., 1911. С. 306.

Фет А. А. Сочинения и письма : в 20 т. СПб. : Академический проект, 2002. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 1839–1863 гг. 551 с.

Чаев Н. А. Надя. Поэма. М., 1878. 103 с.

Щукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Краков : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1997. 315 с.

REFERENCES

Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy : v 13 t. M. : Izd-vo AN SSSR, 1956. T. 11. 718 s.

Belyaeva I. A. Sistema zhanrov v tvorchestve I. S. Turgeneva. M. : MGPU, 2005. 252 s.

Bukhshtab B. Ya. Russkaya poeziya 1840–1850-kh godov // Poety 1840–1850-kh godov. M. : Sov. pisatel', 1972. 539 s.

Demchenko A. A. Literatura 1870-kh godov // Istoriya russkoy literatury XIX veka. 70–90-e gody : uchebnik / pod red. V. N. Anoshkinoy, L. D. Gromovoy, V. B. Kataeva. M. : Izd-vo MGU, 2001. 800 s.

Dmitrieva E. E., Kuptsova O. N. Zhizn' usadbnogo mifa: Utrachenyy i obretennyy ray. M. : OGI, 2003. 528 s.

Ermolenko S. I. Mir «russkoy usad'by» v romane M. E. Saltykova-Shchedrina «Gospoda Golovlevy» // Problemy zhanra i stilya v literature : sb. nauch. gr. / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2004. S. 154-181.

Lebedev Yu. V. N. A. Nekrasov i russkaya poema 1840–1850 godov. Yaroslavl' : Verkh.-Volzh. kn. izd-vo, 1971. 135 s.

Likhachev D. S. Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovykh stiley. Sad kak tekst. L. : Nauka, 1998. 341 s.

Protokoly O.L.R.S. // Moskovskie vedomosti. 1899. № 10.

Samarina N. G. Izuchenie russkoy usad'by: istochnikovedcheskiy aspekt // Russkaya usad'ba XVIII – nachala XXI v. Problemy izucheniya, restavratsii i muzeefikatsii : materialy nauchnoy konferentsii / sost. E. V. Yanovskaya. Yaroslavl' : Aleksandr Rutman, 2007. S. 3-10.

Slovar' chlenov Obshchestva lyubiteley Rossiyskoy slovesnosti pri Moskovskom Universitete, 1811–1911. M., 1911. S. 306.

Fet A. A. Sochineniya i pis'ma : v 20 t. SPb. : Akademicheskii proekt, 2002. T. 1: Stikhotvoreniya i poemы. 1839–1863 gg. 551 s.

Chaev N. A. Nadya. Poema. M., 1878. 103 s.

Shchukin V. G. Mif dvoryanskogo gnezda. Krakov : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1997. 315 s.